

Рамазанов Сергей Павлович, Николаев Николай Юрьевич, Юрченко Степан Анатольевич
**РЕЧНОЙ ЛАНДШАФТ И ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ
ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА**

В статье проанализирована роль речного ландшафта в археологических культурах Поволжья и Южного Урала в период позднего энеолита и бронзового века. Выявлена хозяйственная, ритуально-сакральная и культурно-семантическая взаимосвязь пространства реки и топографии археологических памятников. С целью подчеркнуть значение рек в жизни срубных и андроновских племен авторы вводят понятия "речные культуры" и "гидромифология". Кроме того, в исследовании отмечено влияние типа русловых процессов (степень меандрирования рек) на планиграфию поселений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 166-170. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

- во-вторых, формирование морально-политического облика и патриотизма населения через создание изб-читален, проведение литературных вечеров и политических бесед, показ кинофильмов, кадров военной хроники;
- в-третьих, обеспечение подготовки мобилизационного резерва через деятельность кружков гражданской и военной направленности.

Список литературы

1. **Великая Отечественная война 1941-1945 гг.:** энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
2. **Герасимова В. В.** Библиотеки Горьковской области в военное время // *Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития.* Н. Новгород, 2013. Вып. 3 (71). С. 73-79.
3. **Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).** Ф. 3. Оп. 1.
4. **Забвению не подлежит: страницы нижегородской истории (1941-1945 годы):** в 3-х кн. / сост. Л. П. Гордеева, В. А. Казаков, В. П. Киселев, В. В. Смирнов. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1995. Кн. 3. 670 с.
5. **Комков Г. Д.** На идеологическом фронте Великой Отечественной... М.: Наука, 1983. 440 с.
6. **Культурное строительство Горьковской области 1917-1957 гг.:** сборник статей под редакцией С. А. Орлова. Горький: Горьковское книжное издательство, 1957. 328 с.
7. **Максакова Л. В.** Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. 343 с.
8. **Перчиков Ю. А., Серебряков В. М.** Культурно-просветительная деятельность местных Советов в 1941-1945 гг. (на материалах Волго-Вятского региона РСФСР) // *Формы и методы укрепления советского тыла в годы Великой Отечественной войны.* Горький, 1984. С. 79-93.
9. **Слепенкова Е. А., Щетинина Н. П.** Патриотическое воспитание школьников: современные подходы [Электронный ресурс] // *Вестник Мининского университета.* 2016. № 3. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/search/patrioticheskoe-vospitanie-shkolnikov-sovremennye/> (дата обращения: 12.12.2016).
10. **Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).** Ф. 2529. Оп. 2.
11. **ЦАНО.** Ф. 2741. Оп. 2.

**AGITATION-PROPAGANDA ACTIVITY OF LIBRARIES
OF GORKY REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)**

Pustovalova Anna Alekseevna

*Minin University
anna-nn@mail.ru*

The article is devoted to agitation-propaganda activity of Gorky libraries during the Great Patriotic War. Various activities of the libraries of the city and the region, their role in the life of the society and achieving the victory are considered. Special attention is paid to everyday conditions of the libraries work and measures taken to improve them. On the basis of archival data the author presents statistical information about work of these institutions of culture and concludes on their contribution to fight against the invaders.

Key words and phrases: The Great Patriotic War; culture; libraries; Gorky; Nizhny Novgorod; local studies.

УДК 903

Исторические науки и археология

В статье проанализирована роль речного ландшафта в археологических культурах Поволжья и Южного Урала в период позднего энеолита и бронзового века. Выявлена хозяйственная, ритуально-сакральная и культурно-семантическая взаимосвязь пространства реки и топографии археологических памятников. С целью подчеркнуть значение рек в жизни срубных и андроновских племен авторы вводят понятия «речные культуры» и «гидромифология». Кроме того, в исследовании отмечено влияние типа русловых процессов (степень меандрирования рек) на планиграфию поселений.

Ключевые слова и фразы: река; ландшафт; археологическая культура; бронзовый век; топография; степь; лесостепь; гидромифология; речные культуры.

Рамазанов Сергей Павлович, д.и.н., профессор

Николаев Николай Юрьевич, к.и.н., доцент

*Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского технического университета
sp-rat@yandex.ru; niksam@mail.ru*

Юрченко Степан Анатольевич

г. Волжский

tehrtd@gmail.com

**РЕЧНОЙ ЛАНДШАФТ И ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ ПОВОЛЖЬЯ
И ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА**

Значение речного ландшафта и его влияние на топонимику древних памятников, а в более широком смысле и на всю антропогенную среду археологических культур периода бронзового века, практически

не представлено в исследовательской литературе. В лучшем случае долинные-речные ландшафты «вписываются» в более широкий контекст пространственных природно-географических очерков. Даже хозяйственное значение рек в повседневной жизни населения восточноевропейских степей и лесостепей бронзового века упоминается мимоходом и рассматривается как историческая аксиома. Данный подход представляется нам излишне утилитарным и упрощенным, игнорирующим сложную бинарную систему «человек-река», полную скрытой семантики и таинственной сакральности. В космогонической мифологии многих народов река играла огромную роль, являясь отправной точкой миропонимания и аккумулируя в себе целый набор символов и знаков [9, с. 87]. «Реки и моря находились в диалектическом отношении к окультуренному людьми миру, – писал Ю. К. Поплинский, – являясь, в известном смысле, барьером, границей между ними, но вместе с тем выполняя роль дорог и мостов различными культурными ареалами» [23, с. 7]. В подобном семантическом значении река-вода рассматривалась на протяжении всей человеческой истории, ретранслировавшись из архаического мифа в современные искусство и литературу [19, с. 65].

Великие цивилизации древности располагались вокруг больших водных артерий, определявших не только их хозяйственную жизнь, но общую динамику исторического развития. Однако великим речным цивилизациям Ближнего Востока предшествовали цивилизации малых рек, в изобилии протекавших по пологим степным ландшафтам восточноевропейской равнины [6, с. 15]. Южнорусские степи протянулись широкой, хотя и неравномерной дугой от Нижнего Дона до Южного Урала. Как сравнительно единообразный природно-климатический комплекс они являются частью «поистине необозримого по своей гигантской протяженности» евразийского «степного пояса» [31, с. 34]. На протяжении позднего медного и бронзового веков (IV-II тыс. до н.э.) Волжско-Уральское междуречье активно осваивалось племенами охотников, рыболовов и собирателей, постепенно переходивших на новые принципы производящего хозяйства. Возникшая в этот период ямная археологическая культура уже на раннем этапе своей истории локализовалась преимущественно в долинные-речные ландшафты. По словам Н. Я. Мерперта, еще до начала активного проникновения в степь ямные племена представляли собой «небольшие группы, жившие рыболовством, охотой в пойменных лесах и прибрежным собирательством». Естественным местом обитания для них служили речные долины, ставшие основным объектом их хозяйственной деятельности [20, с. 101].

Важнейшим способом хозяйствования для большинства ямных племен являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Уже в раннеэнеолитических памятниках хвалынского-бережновского типа (конец V – начало IV тыс. до н.э.), относящихся к наиболее древним слоям ямной культуры, присутствуют твердо установленные признаки ведения скотоводческого хозяйства [5, с. 5]. При этом увеличение удельного веса скотоводства в хозяйственном укладе ямного населения не ослабевало его притяжения к поймам рек, способным компенсировать недостаток кормов в засушливые периоды. Не стоит забывать, что территория Волжско-Уральского междуречья, граничащая на юге с зоной полупустынь, а с севера плавно переходящая в лесостепь, предполагала многовариантность способов хозяйствования и использования различных экологических ниш. «Часть пространства между Доном и Волгой, Волгой и Уралом, – отмечал В. А. Лопатин, – контактная лесостепная полоса – была чрезвычайно привлекательна как территория ключевая в геополитическом отношении, выгодно отличающаяся плодородием почв, наличием лесных участков с запасами строевой древесины, обширностью и ценностью пастбищных ресурсов, насыщенностью речными артериями» [18, с. 101]. Локализация ямных поселений в речных долинах позволяла им сочетать скотоводство как ведущий способ хозяйствования с земледелием, рыболовством, охотой и собирательством. К примеру, ямные племена активно культивировали земледелие в речных поймах и террасах «с их мягкими, легкими для обработки почвами» [20, с. 106]. Подобное многообразие палеоэкономики ямного населения было характерным для многих архаических речных культур [23, с. 7].

В период поздней бронзы на территории Волжско-Уральского междуречья возникли две огромные культурно-исторические общности – срубная, простиравшаяся на огромные расстояния от Днепра до Урала, и андроновская, протянувшаяся от Южного Урала до Западной Сибири [32, с. 225-226]. Для обеих культур характерна речная локализация по берегам небольших речек, рядом с луговой поймой [12, с. 207; 14, с. 43-44]. При этом представители двух крупнейших историко-культурных общностей эпохи бронзы активно контактировали в зоне Волжско-Уральского междуречья, заимствуя друг у друга способы хозяйствования, погребальные обряды, технологии производства инвентаря, а также общие принципы планиграфии [24, с. 111-116; 27, с. 262; 29, с. 174]. По мнению ряда исследователей, территория археологических культур Волжско-Уральского междуречья в период бронзы может быть атрибутирована как прародина ариев [7; 8, с. 159-169; 15, с. 7-8, 264-267].

В рамках андроновской культурно-исторической общности особый интерес вызывают археологические памятники синташтинской (синташтинско-аркаимской) культуры, которая располагалась на территории Южного Урала и Северного Казахстана. Археологи, кропотливо занимающиеся изучением территории «Страны городов», давно обратили внимание на неслучайный характер расположения ее памятников, сакрализацию пространства в топографии поселений, взаимосвязь ландшафта и антропогенной среды [16, с. 51-52]. Рельеф местности, окружающая гидросфера, природные реперы выступали естественным обрамлением синташтинско-аркаимских памятников [1, с. 116]. Очевидно, что для населения Южного Урала эпохи бронзы было также характерно «особое, строго дифференцированное отношение к воде» [10, с. 7]. Обилие речных артерий в Урало-Тобольском водоразделе создавало благоприятные условия для проживания и ведения высокопродуктивной хозяйственной деятельности [8, с. 136-138]. Притоки Урала зачастую протекают на территории древней мезозойской речной сети, так называемых структурно-эрозионных депрессий. Рельефно это выражается в периодических чашеобразных понижениях, обладающих особым микроклиматом, расширенной территорией поймы и, как следствие, несколько отличным от окружающего пространства растительным и животным миром. Большинство

памятников синташтинско-аркаимской культуры «находятся в пределах площадей структурно-эрозионных депрессий и занимают участки пересечений древних речных долин современными реками» [2; 3, с. 87-89].

Укрепленные поселения «Страны городов» имели единый топографический алгоритм пространственного расположения, тесно увязанный с речным ландшафтом. Можно предположить, что реки для аркаимцев выступали ритуальными маркерами сакрального пространства, олицетворением гармонического взаимодействия человека и природы. Таким образом, можно говорить о существовании у аркаимцев развитой *гидромифологии*. (Под этим термином авторы понимают комплекс мифо-религиозных представлений, связанных с водой.)

Как правило, памятники синташтинской культуры располагались в поймах притоков Урала и Тобола, на месте слияния двух рек, на террасовых островах в речных дельтах и внутри излучин (меандров) [10, с. 30]. В случае если естественное русло реки не полностью окружало поселение, вырывался искусственный канал, который формировал непрерывный водный контур. Едва ли водные артерии «Страны городов» – небольшие речки бассейна Урала и Тобола, тем более искусственные каналы могли стать серьезной преградой в случае ведения боевых действий [1, с. 122]. Как видим, в данном случае река выполняла символическую роль границы, отделяя обжитые и освоенные земли (ойкумену) от неизвестного и во многом враждебного пространства “*terra incognita*”.

Сама планировка поселений, с их четкой геометрией, являлась зеркальным отражением космогонических представлений населения синташтинско-аркаимской культуры. Круг, овал, квадрат – сакральные фигуры, со сложной многоуровневой космологической семантикой, многократно повторенной в топонимике «Страны городов» [17, с. 54]. «Круг – небесное и женское начало, – писал Г. Б. Зданович, – квадрат – земное и мужское. Борьба и единство этих начал отражены не только в планиграфии поселений, но и в погребальной практике аркаимцев» [1, с. 118]. По мнению исследователя, топографические принципы жителей Южного Урала бронзового века отразились в ведическом символе мандалы, геометрически выражавшей макромодель Вселенной и микрокосм человеческой души [1, с. 108, 118; 34, с. 241]. Можно предположить, что незавершенный круг-овал многочисленных излучин неслучайно выбирался для поселений, могильников или культовых сооружений племенами «Страны городов». Путем создания искусственных каналов естественные меандры приобретали законченный геометрический вид, тем самым воспроизводя множественную геометрическую диаграмму – внутреннее поселение, окруженное кольцом стен и оконтуренное водными потоками, естественными и искусственными. В отдельных случаях природно-антропогенный комплекс поселений располагался в округлой чаше долины, выступавшей его первичным окаймлением. Примером может служить самое известное поселение «Страны городов» – Аркаим, расположенное на территории Большекараганской долины. Обратим внимание, что в символике мандалы внешний круг символизирует целостность и единство Вселенной и одновременно пространственные и временные границы. Разумеется, сакральность излучины не отменяла очевидную выгоду локализации поселений скотоводов-аркаимцев в районах меандрирования. При равной водности пойма меандрирующих рек заметно шире, а значит, больше и их кормовой потенциал [30, с. 259].

Отзвуки гидромифологии аркаимцев присутствуют в древнейших индоарийских памятниках Авесты и Ревгеды, восходящих к устной традиции «Страны городов» [10, с. 7]. По словам М. Элиаде, «водный символизм нигде не находил конкретного выражения, у него нет центральной темы, потому он представляет собой переплетение взаимосвязанных, складывающихся в систему символов» [33, с. 407]. Тем не менее ведические тексты пронизаны культом воды, а важнейшим регведийским божеством выступает Варуна – хранитель справедливости и бог мировых вод [21, с. 75-79]. С речными водами связана богиня Сарасвати («относящаяся к воде»), служившая воплощением знания и олицетворявшая воды Инда [22, с. 409; 25, с. 161-162]. Ведический гимн, обращенный к рекам, полон откровенного восхищения и особого ритуального поклонения [26, с. 211-212]. В гидронимах Восточной Европы присутствует немало названий с корнем ‘*dhon*’ (Дон, Днепр, Днестр, Дунай), связанных с ведическим Дану («поток»), служившим у древних индоариев воплощением первобытных, демонических водных сил [21, с. 353, 530].

Взаимосвязь речного ландшафта и поселенческой топографии ощутимо присутствует и в материалах срубной культурно-исторической общности. Большая часть срубных поселений строилась вдоль рек и речушек. Продиктовано это было, прежде всего, хозяйственными нуждами. Помимо бесперебойного источника питьевой воды, реки снабжали срубное население рыбой. Заливные луга речных долин использовались для кормления животных, а пойменная почва сравнительно легко поддавалась рыхлению каменными мотыгами под посевы [13, с. 77]. Большинство поселений располагалось в низких местах (на первых террасах небольших речек и старичных озер и в высоких поймах). Иногда местом расположения срубных поселений становились высокие мысы по берегам крупных рек. При этом планиграфическая локализация срубных племен исключала высокие террасы и водоразделы. Окружавшие поселения рельефные возвышенности, в том числе более высокие речные террасы, служили природной ветрозащитой [11, с. 210]. Порой естественной защитой срубных поселений служили и речные излучины [Там же, с. 253].

Территория, на которой выявлены памятники срубной культурно-исторической общности, пронизана многочисленными реками, относящимися, главным образом, к Волго-Донскому бассейну. Особое значение приобретают мелкие притоки Волги и Дона, являвшиеся в период бронзового века естественными и наиболее удобными магистралями «для перемещения скотоводческих племен» [18, с. 102]. Неудивительно, что подавляющая часть срубных поселений была сосредоточена по берегам больших и малых рек [4, с. 45]. По подсчетам О. В. Сергеевой, исследовавшей пространственное расположение поселений Нижнего Поволжья эпохи поздней бронзы: «Около 90% срубных селищ расположено на первых надпойменных террасах больших и малых рек (87,9% – ПБ [правый берег], 92,9% – ЛБ [левый берег]), из них 17% на мысах (17,8% – ПБ, 15,9% – ЛБ). В поймах рек находится около 5% памятников. На второй надпойменной террасе обнаружено в Правобережье 6,2% поселений, а на левом берегу Волги, т.е. в зоне сухих степей 1,9%» [28, с. 9].

Очевидно, что контакты срубных племен с андроновским населением подразумевали не только заимствование погребальных обычаев, хозяйственных приемов и орудий труда. Две огромные культурно-исторические общности были связаны гораздо теснее единой антропогенной средой и схожим природно-биологическим пространством. Общие культурно-этнические корни (позднеямные культуры), тождественные принципы хозяйствования (скотоводство), совпадающие природно-климатические зоны (лесостепь и степь) предполагали и соответствующие ландшафтные предпочтения, а следовательно, и гидромифологическую конгруэнтность.

Подводя итоги, можно констатировать четко прослеженную взаимосвязь речного ландшафта и археологических культур Поволжья и Южного Урала в период позднего энеолита и бронзового века. Особенно отчетливо она выявляется в культурах поздней бронзы лесостепной и степной зон Волго-Уральского междуречья. Существовавшие в этот период археологические культуры, относившиеся к срубной и андроновской культурно-историческим общностям, по аналогии с «речными цивилизациями» вполне могут быть названы нами «речными культурами». Подавляющая часть их поселений была гармонично вписана в речные ландшафты, которые сами по себе служили объектом зарождавшегося религиозного поклонения. Отметим также известную роль меандрирования в планиграфии археологических памятников. На наш взгляд, локализация поселений в районе излучин носила не только очевидное хозяйственно-прикладное значение, но и была связана с присущей андроновским и срубным племенам общей гидромифологией.

Список литературы

1. **Аркаим. У истоков цивилизации:** фотоальбом / науч. ред. Г. Б. Зданович; Челяб. гос. ун-т. Челябинск: Аркаим, 2009. 224 с.
2. **Батанина И. М.** Природные особенности «Страны городов» [Электронный ресурс] // Челябинский историко-культурный заповедник «Аркаим». Наши публикации: Биология и экология. URL: <http://www.arkaim-center.ru/index.php?page=102&id=8> (дата обращения: 14.11.2016).
3. **Батанина И. М.** Физико-географические условия и ландшафты заповедника Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / науч. ред. Г. Б. Зданович; сост. Н. О. Иванова. Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. С. 79-90.
4. **Бахшиев И. И., Бахшиев Р. И.** Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 40-53.
5. **Богданов С. В.** Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 286 с.
6. **Буровский А. М.** Речные долины – роль в генезисе цивилизации // Природа и цивилизация: реки и культуры: материалы конф., посвященной 100-летию выхода в свет 1-го рус. изд. кн. выдающегося ученого Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» / отв. ред. Л. Р. Павлинская; ред. В. И. Дьяченко, Н. В. Ермолова, Ю. К. Поплинский, Е. Г. Федорова. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 13-17.
7. **Генинг В. Ф.** Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. 1977. № 4. С. 53-72.
8. **Григорьев С. А.** Древние индоевропейцы. Изд. 2-е, доп. Челябинск: Цицера, 2015. 496 с.
9. **Ермолова Н. В.** Река в трех мирах эвенкийской вселенной // Реки и народы Сибири: сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. к.и.н. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 87-127.
10. **Зданович Г. Б., Батанина И. М.** Аркаим – «Страна городов». Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокос, 2007. 260 с.
11. **История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век** / ред.: Ю. И. Колев, А. Е. Мамонов, М. А. Турецкий. Самара: Изд-во Самар. науч. центра Рос. акад. наук, 2000. 336 с.
12. **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
13. **Кривцова-Гракова О. А.** Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / под ред. К. Ф. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 168 с.
14. **Кузьмина Е. Е.** Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 132 с.
15. **Кузьмина Е. Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
16. **Лобанкова И. П.** Анализ культурного ландшафта Аркаима // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28. С. 48-54.
17. **Лобанкова И. П.** Мифологические параллели феномена Аркаим // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 10. С. 52-59.
18. **Лопатин В. А.** Пространство Доно-Волжского вектора культурогенеза // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 1. С. 100-104.
19. **Мелетинский Е. М.** О литературных архетипах. М.: Изд-во РГГУ, 1994. 136 с.
20. **Мерперт Н. Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 152 с.
21. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А-К. 671 с.
22. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. К-Я. 719 с.
23. **Поплинский Ю. К.** Речные культуры и становление цивилизации // Реки и народы Сибири: сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. к.и.н. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 5-18.
24. **Пярых Г. Г.** Общие компоненты сложения алакульской и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1983. С. 111-119.
25. **Ригведа. Мандалы V-VIII** / пер. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1995. 752 с.
26. **Ригведа. Мандалы IX-X** / пер. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 560 с.
27. **Сальников К. В.** Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

28. Сергеева О. В. Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2007. 19 с.
29. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
30. Чалов Р. С., Завадский А. С., Панин А. В. Речные излучины / науч. ред. Р. С. Чалов. М.: Изд-во МГУ, 2004. 371 с.
31. Черных Е. Н. Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. 2008. № 3. С. 34-43.
32. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира: в 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.
33. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
34. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. 475 с.

RIVER LANDSCAPE AND MONUMENT TOPOGRAPHY IN ARCHEOLOGICAL CULTURES OF THE VOLGA AND SOUTH URAL REGIONS IN THE LATE ENEOLITHIC PERIOD AND THE BRONZE AGE

Ramazanov Sergei Pavlovich, Doctor in History, Professor
Nikolaev Nikolai Yur'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State University
sp-ram@yandex.ru; nikcam@mail.ru

Yurchenko Stepan Anatol'evich
Volzhsky
tehrtd@gmail.com

The article analyzes the role of the river landscape for archeological cultures of the Volga and South Ural regions in the late Eneolithic period and the Bronze Age. The paper identifies economic, sacral-ritual and cultural-semantic interrelation between the river space and the archeological monument topography. To emphasize importance of rivers in timber-grave and Andronovo cultures the authors introduce conceptions "river cultures" and "hydro-morphology". Moreover, the study mentions influence of the river channel type (the river's meander level) on the settlement layout.

Key words and phrases: river; landscape; archeological culture; The Bronze Age; topography; steppe; forest-steppe; hydro-morphology; river cultures.

УДК 1(091)

Философские науки

Статья раскрывает специфику восприятия нравственного учения И. Канта в сочинениях П. И. Новгородцева. Установлено, что принимает русский философ в этике Канта, а что критикует. При этом проясняются этические воззрения самого Новгородцева. Выявлено, что русский философ отмечает положительные аспекты кантовской этики. Но он указывает и на необходимость преодоления ее формализма. Новгородцев настаивает на обязательности воплощения нравственного идеала в социальной жизни. Но он не считает возможным достижение полноты нравственности в земной жизни, что сближает его с Кантом.

Ключевые слова и фразы: П. И. Новгородцев; этика И. Канта; нравственность; нравственный закон; долг; разум; личность; свобода; общество.

Самойлов Дмитрий Вячеславович, к. филос. н.

*Мелитопольский институт экологии и социальных технологий
Открытого международного университета развития человека «Украина»
dmvsam@rambler.ru*

ОТНОШЕНИЕ П. И. НОВГОРОДЦЕВА К ЭТИКЕ И. КАНТА

Русский мыслитель Павел Иванович Новгородцев в своих философских рассуждениях сосредотачивал внимание на вопросах метафизических оснований нравственности и права, взаимосвязи моральных и правовых основ общества. В этическом учении Новгородцева центральное место занимает личность как источник и цель нравственной философии [1, с. 67]. В своих построениях Новгородцев обращался к моральному учению Канта, считая его важнейшей концепцией, во многом формирующей современную философию. Поэтому представляется важным выяснить, как именно воспринимал этот русский мыслитель кантовскую этику. Рассмотрение данного вопроса вносит вклад в разработку более общей тематики восприятия нравственной доктрины Канта в русской философии, а также в некотором смысле помогает понять взгляды Новгородцева на место морали в обществе.

Русский философ констатирует, что за критицизмом Канта утвердилось репутация дуалистической системы, в которой нет места гармоническому единству и целостности универсума. Однако Новгородцев как раз это и ставит Канту в заслугу, так как считает, что разлад, противоречие между двумя мирами – миром сущего и миром должного – действительно существует, и основатель критической философии вскрыл это противоречие, существующее в глубине человеческого духа. Констатация этого факта действительности гораздо важнее поспешного ухода от него и составления монистической картины мира, не имеющей ничего общего с действительностью. Гармония – это цель, которая хотя и необходима, но лежит в бесконечности, она не дана, а задана.